

Глава 6. Допрос

Тропинка перед воротами, прежде вязкая и раскисшая от грязи, теперь была утоптана и выровнена. Дикие травы по обе стороны на первый взгляд почти не изменились, но вся пожухлая, увядшая листва была тщательно вычищена, и теперь вокруг тянулась лишь густая, сочная зелень.

Двор, окна, каждый уголок, прежде покрытый пылью, были выметены до блеска. Стоило пройти через прогнившую дверь кухни и глазам открывался аккуратный чистый очаг. Масло, соль, соусы и уксус были ровно расставлены на полке. Кроме въевшихся жирных пятен и закопчённых стен, всё было вычищено так, что сияло. Ни следа от прежнего беспорядка и грязи не осталось.

Старая глинобитная хижина пустовала долгие годы, и лишь теперь наконец будто обрела новую жизнь.

Цзянь Цинъюй, держа в руках отчаянно бьющуюся добычу, молча смотрел на колючие заросли по обе стороны дорожки, которые раньше цеплялись за одежду и царапали кожу. Он долго не произносил ни слова.

В ушах вдруг вновь прозвучали слова, сказанные им в тот день, когда он впервые провожал отца и сына Линь отсюда.

Цзянь Цинъюй медленно выдохнул.

Линь Жун вышел из своей комнаты. На голове у него была повязана влажная ткань. Стоило поднять взгляд, и он увидел стоящего во дворе человека.

Чёрные, будто покрытые лаком глаза и взлетающие к вискам брови придавали его лицу поразительную красоту. Даже старая одежда не могла скрыть его осанки и врождённого достоинства.

Глаза Линь Жуна будто перестали ему подчиняться — он неотрывно смотрел на мужчину, пока не встретился взглядом с его холодными, глубокими чёрными глазами. Тогда он резко вздрогнул, поспешно опустил голову и отвёл взгляд. Вдруг что-то вспомнив, он тут же развернулся и торопливо юркнул обратно в свою комнату.

Цзянь Цинъюй, увидев, что тот впервые избегает его словно чумы, по привычке насторожился и невольно почувствовал подозрение.

Это было странно.

Он опустил добычу на землю и широким шагом направился к западному флигелю. Остановившись у одной из дверей, он поднял руку и постучал.

Спустя некоторое время дверь приоткрылась, но лишь совсем чуть-чуть. Через узкую щель Цзянь Цинъюй видел только половину лица прячущегося внутри гера. От этого его подозрения стали ещё сильнее.

Лишь тот, кто сделал другому что-то дурное, станет избегать его и чувствовать вину.

Лицо Цзянь Цинъюя стало ещё холоднее. Его голос звучал негромко, но в нём уже ощущался скрытый холодок:

— Выходи.

Человек за дверью явно растерялся.

— Что случилось?

Цзянь Цинъюй тихо усмехнулся:

— Разве не тебя надо об этом спрашивать?

Линь Жун за дверью выглядел совершенно сбитым с толку.

— Меня?

Терпение Цзянь Цинъюя стремительно иссякало. Его тон стал жёстче, и он прямо спросил:

— Что ты натворил, раз так виновато прячешься и даже смотреть на меня боишься?

После этих слов за дверью на мгновение воцарилась тишина.

Не дождавшись ответа, Цзянь Цинъюй окончательно потерял терпение. Подняв руку, он резко толкнул дверь. Линь Жун не успел среагировать и, отшатнувшись вместе с дверью, сделал несколько шагов назад.

Под его растерянным, будто желающим что-то сказать взглядом Цзянь Цинъюй переступил порог.

— Бам!

Только на миг посветлевшая комната вновь погрузилась в полумрак.

Дверь захлопнулась.

Высокая фигура Цзянь Цинъюя в тесной комнате ощущалась особенно отчётливо — вместе с давящей, почти удушающей аурой.

Не обращая внимания на растерянность и внутреннюю борьбу на лице Линь Жуна, он вновь холодно спросил:

— Что ты сделал? Почему не боишься смотреть на меня и ещё прячешься?

Цзянь Цинъюй не боялся чужих интриг и не верил, что отец и сын Линь способны действительно его подставить. Но это вовсе не означало, что подобные вещи его не раздражали.

В прошлой жизни он сталкивался с такими людьми не десятки, а сотни раз. Эти интриги приносили ему бесчисленные неприятности и не раз загоняли на грань смерти.

И, погрузившись в мрачные подозрения и раздражение, Цзянь Цинъюй совершенно не замечал, насколько его допрос сейчас походил на обиженные расспросы мужа, которого избегает собственный супруг.

— ...

— ...Прости. Это я виноват.

Услышав извинение, Цзянь Цинъюй холодно усмехнулся.

Значит, он всё-таки не собирается говорить?

— И что же ты всё-таки сделал?

Едва он договорил, как стоящий перед ним гер снял с головы ткань, которой были обёрнуты волосы. Влажные, растрёпанные чёрные пряди тут же рассыпались по плечам, а густая чернота волос ещё сильнее подчёркивала алый оттенок в уголках глаз, делая его лицо смутно чарующим.

Взгляд Цзянь Цинъюй скользнул по этой яркой красоте, и глубина его глаз едва заметно потемнела.

— Не хочешь говорить? — лицо его помрачнело.

Он уже собирался прибегнуть к силе и заставить стоящего перед ним человека честно во всём признаться, как вдруг Линь Жун озадаченно посмотрел на него.

— ...Вот из-за этого.

— Из-за чего?..

Снаружи ярко сиял дневной свет, но окна и двери комнаты были плотно закрыты, поэтому внутри царил полумрак. Лишь несколько тонких лучей пробивались сквозь бумажные окна, освещая пылинки в воздухе и падая на Линь Жуна, мягко подсвечивая его лицо.

Цзянь Цинъюй проследил за тем, как тот указал на свои волосы, и только спустя некоторое время с недоумением произнёс:

— И какое отношение к этому имеют твои волосы?

В глазах Линь Жуна мелькнули удивление и беспомощность.

— Геры и девушки после мытья головы не могут показывать волосы посторонним мужчинам... кроме собственного мужа. Просто... я на мгновение забыл, вот и спрятался машинально.

Только теперь Цзянь Цинъюй понял причину.

На миг он потерял дар речи.

Он, разумеется, прекрасно понял, что именно Линь Жун «забыл». Забыл о том, что теперь уже считается его супругом. Пусть между ними пока лишь имя мужа и фулана без настоящей близости — увидеть его волосы всё равно не считалось чем-то недопустимым.

— ...

Комнату наполнила неловкая тишина.

Цзянь Цинъюй смотрел на стоящего перед ним гера с распущенными волосами. Несправедливо обвинив человека, он внешне всё так же оставался невозмутим.

Спустя некоторое время он вдруг произнёс:

— Я поймал несколько жирных кроликов. Сегодня вечером будет острая жареная крольчатина.

Сказав это, Цзянь Цинъюй развернулся и вышел из комнаты. Шёл он заметно быстрее, чем пришёл, оставив позади растерянного Линь Жун, у которого даже кончики ушей налились лёгкой краснотой.

Линь Гэнь был уже в возрасте: ноги его плохо слушались, зрение тоже подводило. С тех пор как они перебрались сюда, старик, оставаясь без дела, всё время чувствовал себя неуютно, поэтому чаще всего сидел в своей комнате и почти не выходил.

Вернувшийся во двор Цзянь Цинъюй сохранял на лице привычное бесстрашие, но в его красивых, чётких чертах всё ещё можно было уловить редкое для него смятение и досаду.

С тех пор как он попал в этот мир и поселился один у подножия горы, его настороженность и недоверие к людям были слишком сильны, поэтому он почти ни с кем не общался. Во всём селении Дахэ, кроме старосты, лишь Линь Жун был тем самым персонажем из той политической новеллы с мужской беременностью, который привлёк его внимание своей стойкостью, умом, добротой и преданностью, несмотря на совершенно нелепую смерть.

Жаль только, что автор уделил ему слишком мало внимания.

Да и саму эту новеллу Цзянь Цинъюй читал спустя рукава. Странные правила мира, бессмысленный сюжет... первую часть он пролистал кое-как, а после эпизода, где Линь Жун покончил с собой, и вовсе бросил читать.

Поэтому у него совершенно не было осознания того, что существование гергов — это не просто странная деталь мира.

Они всего лишь могли рожать детей.

...Да, рожать детей...

На миг безупречно спокойное лицо Цзянь Цинъюя едва заметно дрогнуло.

И именно в этот момент он впервые по-настоящему ощутил нереальность того, что после смерти действительно переродился в древнем мире.

К тому времени как он закончил разделывать кролика, Линь Жун уже вышел из комнаты. Цзянь Цинъюй поднял взгляд, убедился, что на лице гера больше нет ни смущения, ни неловкости, и снова молча опустил голову к работе.

Спустя некоторое время он посмотрел на небо, а затем на уже нарезанное кубиками кроличье мясо и ненадолго замолчал.

...Пока искал себе занятие, совсем потерял счёт времени.

Масляные лампы стоили дорого, поэтому деревенские жители старались закончить все дела до наступления темноты. После заката каждый расходился по комнатам спать, чтобы на следующий день подняться ещё до рассвета и успеть поработать до того, как полуденное солнце начнёт палить невыносимым жаром.

Сейчас едва перевалило за три часа дня.

В такую жару мясо быстро портилось.

Немного подумав, Цзянь Цинъюй поднялся, зашёл на кухню, достал большую миску, переложил туда нарезанную крольчатину, затем поставил миску в деревянный таз и убрал в тень.

Неподалёку Линь Жун сидел во дворе, суша свои длинные чёрные волосы. В косых золотых лучах закатного солнца худощавый гер сидел к нему спиной, а тонкий пушок на его щеке казался почти прозрачным.

Цзянь Цинъюй отвёл взгляд, поднял опустевшее ведро у колодца и направился к выходу.

— Схожу за водой.

Позади раздался тихий голос гера:

— Угу.

Когда Цзянь Цинъюй жил один, ему хватало одного полного чана воды в день. После того как к нему перебрались Линь Жун с отцом, то приходилось носить уже по три. Хорошо ещё, что у семьи Линь нашлось несколько больших водяных чанов — было куда её наливать.

Летом стояла такая жара, что даже вода в той части реки, что протекала мимо деревни без всякой тени от деревьев, казалась тёплой. Цзянь Цинъюй обычно уходил немного выше по течению — туда, где густые деревья заслоняли солнце. Там было заметно прохладнее, а вода оставалась ледяной.

Только после трёх ходок он наконец наполнил все три чана.

Зачерпнув пару ковшей воды, он вылил её в деревянный таз, где стояла миска с нарезанной крольчатинной. Холодная прозрачная речная вода поднялась вокруг чаши. Цзянь Цинъюй удовлетворённо кивнул.

Теперь мясо точно не испортится.

Позади слышались шаги. Обернувшись, он увидел Линь Жуна.

Взгляд невольно задержался на его длинных, гладких волосах, собранных за спиной. Чёрные, блестящие, они мягко переливались на свету, а когда гер подошёл ближе, от него донёлся едва уловимый естественный аромат.

Запах диких мыльных бобов из гор... и что-то ещё, смешанное с собственным теплом его тела.

— Что ты делаешь?

Цзянь Цинъюй опустил взгляд:

— Кроликов слишком рано разделал. В такую жару мясо быстро протухнет.

— А?..

Линь Жун чуть склонил голову набок, и его мягкие пряди волос соскользнули с плеча. Поняв, о чём речь, он кивнул.

Сам он никогда не забивал свежую живность, да и жизнь его никогда не была настолько сытой, чтобы приходилось думать о том, что еда может испортиться от долгого хранения. Стоило ему представить, что такое хорошее белое мясо может пропасть и его придётся выбросить, как в глазах тут же появилось мучительное сожаление.

Без дела сидеть он не умел. Ему хотелось подняться к склону горы и собрать хворост, но в то же время он боялся задержаться и вернуться слишком поздно — вдруг жирная крольчатина всё-таки испортится.

Цзянь Циньюй не знал, о чём тот сейчас думает. Он лишь указал пальцем на сваленных в углу двора полуживых от жары кроликов и фазана.

— Кажется, они скоро сдохнут... Сможешь их держать?

Сам-то он точно не умел.

Цзянь Циньюй подумал, что для человека, выросшего в деревне, это не должно быть проблемой. Даже если семья была слишком бедной, чтобы разводить кур или уток, — как говорится, пусть сам он свинину не ел, но хоть свинью-то видел.

Он покосился на присевшего рядом гера и мысленно добавил, что если тот всё-таки не умеет, тогда ему придётся пойти спросить Цзянь Дафана.

Дикая птица и зайчатина ему уже порядком надоели. Пусть во многом потому, что готовил он отвратительно, но и сами дикие звери были жилистыми, мяса на них мало, а иногда оно отдавало ещё неприятным привкусом дичи.

Этот запах всегда вызывал у него не самые приятные воспоминания.

Лучше уж вырастить собственного жирного поросёнка.

За домом не было заднего двора, а только склон, заросший бамбуком, так что расчистить там место не представлялось возможным. Если уж временно держать добычу, то придётся соорудить во дворе хотя бы простой загон с навесом от солнца.

Линь Жун тем временем небрежно подвязал уже почти высохшие волосы, торопливо забежал на кухню, вынес оттуда тесак и направился за дом.

Цзянь Циньюй неспешно поднялся и пошёл следом.

<http://bllate.org/book/17612/1638790>